
Глава 10.

1904 год

Она пришла. В головокружительно быстрой череде от 24 до 27 января произошли: отозвание японской миссии из Петербурга, нападение японцев, без объявления войны, на наши крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» в Чемульпо и на русский флот в Порт-Артурском рейде, с выводом сразу из строя трех наших броненосцев. Мы проспали это нападение, не приняв никаких мер предосторожности. Так крепка была наша уверенность в том, что «макаки» не осмелятся поднять на нас руку.

Поразительны были вообще неосведомленность наша о силах нашего противника, недооценка значения происходивших событий.

Дня через два, через три после несчастной для нас первой атаки японцев на наш флот прибыл в Государственный совет защищать какой-то свой проект по торговому мореплаванию вел<икий> кн<язь> Александр Михайлович. Собравшиеся в чайную комнату перед заседанием члены совета его обступили и стали расспрашивать о войне. Случилось мне в это время проходить через чайную комнату. «Война, — услышал я уверенно разглагольствовавшего вел<икого> князя, — какая это война? С нашей стороны это будет карательная экспедиция. До лета еще мы продиктуем японцам наши условия в Токио».

Нашелся человек — Сергей Васильевич Безобразов, — который в тот же день утверждал обратное: что мы вступили в подлинную войну и в несчастную для нас войну, что, в сущности, мы ее уже проиграли, допустив застигнуть себя врасплох в Порт-Артуре. И будем окончательно разбиты.

Командующим Маньчжурскою армиею для действий против Японии был назначен Куропаткин, а на его место военным министром — начальник Главного штаба Сахаров. При самом назначении Куропаткина командующим армиею всеми чувствовалось, что он неподходящий для этого человек. Естественно было по этому поводу бить тревогу. Но по свойственному нам обычаю мы шутили. Остроумцы спрашивали: «Но, все-таки, при ком же он будет состоять? Где Скобелев?» Куропаткин был в свое время начальником штаба генерала М. Д. Скобелева.

Куропаткин без конца собирался в отъезд. В качестве средства победы рекомендовал всем и каждому «терпение, терпение и терпение». Куропаткинское «терпение» вошло в русскую речь синонимом первоисточника неудач, гибели и поражения.

Военные неудачи наши сменяли одна другую в непрерывной череде. Нагромождение их являло убедительную картину поражения и делало и без того трудно оправдываемую войну крайне непопулярной. В тылу усиленно заработала отрицавшаяся министром внутренних дел революция. Недовольство питалось и ведением войны не сосредоточенными кадровыми частями, а преимущественно запасными пополнениями высоких возрастов, что отрывало от земли военнообязанное население, не только наиболее отвыкшее от оружия, но и в вящей степени привязанное к крестьянскому хозяйству и нужное в нем. Не выяснено, руководствовалась ли в этом отношении власть целями удержания кадровых частей на месте для противодействия возможному наступлению «внутреннего врага» или эвентуальностью осложнений на западной границе. *В последовавшую великую войну 1914 г., когда для спасения Парижа мы уложили в Восточной Пруссии наши лучшие гвардейские кадры, соображениями «поддержания внутреннего порядка», во всяком случае, мы не руководствовались*¹.

Поверхность тихого пруда, о котором год тому назад говорил в Государственном совете В. К. Плеве, еще раз возмутилась. На этот раз бомбою, брошенной в самого министра. Он был ею разорван буквально в клочья 15 июля 1904 г. в конце Измайловского проспекта, направляясь на Балтийский вокзал, чтобы следовать в Петергоф на очередной доклад царю. Революция наступала.

Несмотря на войну, в достаточной степени приковывавшую к себе общественное внимание, убийство Плеве всколыхнуло общественность всюю беспощадностью аргумента террора в применении к столь внушительной, сильной и в силе своей казавшейся неуязвимою фигуре, какую являл покойный министр внутренних дел. Вместе с тем элементы, опасавшиеся сокрушительных потрясений, а такие элементы в общественности преобладали, содрогнулись от сознания наличия войны на два фронта — внешнего и внутреннего.

Но настороженность общественности в связи с убийством Плеве все-таки достаточно быстро миновала. Отвлекло шумно отпразднованное рождение 2 августа 1904 г. наследника Алексея Николаевича, на десятом году брачной жизни царя и царицы, дарившей до того времени своего супруга одними только дочерьми².

Осенью в Государственном совете появился красивый генерал-адъютант. Я его видел в группе членов совета, мягко, застенчиво улыбающимся. *Сам он молчал.* Я догадался, и мне подтвердили, что это новый министр внутренних дел князь Святополк-Мирский.

Газеты болтали о «весне». Вспоминали о «диктатуре сердца» другого генерал-адъютанта (императора Александра II), графа Лорис-Меликова. Улыбавшаяся в красивом лице нового министра весна шла также от сердца. Но ее не удалось установить в осеннюю бурю слабым силам мягкотелого и посредственного Святополка. Он утомился от одних поисков практического разрешения вопроса, конкретно не придумав ровно ничего³. Снизойдя к поразительно быстро наступившему его переутомлению, царь уже в начале 1905 г. освободил Святополка от возложенного на него бремени, назначив министром внутренних дел, по рекомендации московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, бывшего калужского, а потом московского губернатора Булыгина — высокого, плотного мужчину важной осанки с глазами навывкате, придававшими ему выражение неживое и загадочное.

* * * * *

Еще в феврале осуществилась давняя мечта Владимира Николаевича Коковцова сесть на кресло Витте. Пришлось, правда, предварительно подпустить к этому креслу покойного Плеске. Но последний так поспешил умереть, что не успел до конца ожесточить против себя сердце Владимира Николаевича. Говорили, Плеске понимал задачу управления финансовым ведомством после Витте так, что надо не только бережно охранять наследие, оставленное даровитым предшественником, в виде до отказа набитых золотом казенных сундуков, хорошо по тому времени построенной финансовой системы и прекрасно налаженного аппарата, но и продолжать творческую инициативу Сергея Юльевича Витте. От непосильности последней задачи ^ачестному человеку заурядных способностей^а нельзя было, по меньшей мере, не растеряться, что и постигло, как говорили, скромного и добросовестного Плеске. Владимир Николаевич, *очень честный и абсолютно добросовестный*, скромностью ни в малейшей степени не отличался, абсолютно смешивая в своем сознании с гениальностью бюрократизм того высокого класса, который он с блеском прошел и дисциплинами которого овладел в совершенстве. Поэтому задача замещения Витте, которому в признававшихся за ним выдающихся дарованиях Коковцов завистливо отказывал, несколько последнего не смущала. Да и подошел он к делу проще. Неспособный к творческой инициативе, он самую ее надобность из задач управления финансовым ведомством исключил. Решил честно и бережно охранять унаследованные им и финансовую систему, и аппарат, а главное — казенные сундуки. В роли именно хранителя не им созданных ценностей и материальных богатств Коковцов на протяжении 10 лет, с кратким лишь перерывом от осени 1905 г. до весны 1906 г., и был номинальным лишь министром финансов. В существе, министром финансов он не был никогда. Был не названным государственным казначеем. И мог зачесть в плюс финансовой работы только оформление не им, а его сотрудниками соображенных кредитных операций и другими ведомствами наведенных частичных налоговых реформ. В минусе казначейской деятельности значатся последствия тупой и упрямой скупости — недостаточность военного снаряжения и плачевная редкость стратегической (так!) железнодорожной сети к войне 1914 г.

Коковцова на посту государственного секретаря заменил хроменький барон Юлий Александрович Иксуль. А освободившаяся вакансия товарища государственного секретаря была замещена статс-секретарем Департамента гражданских и духовных дел Харитоновым. В конце ноября в Государственной канцелярии произошла еще одна перемена. Ушел Н. Н. Покровский с должности статс-секретаря Департамента государственной экономии. Его переманил Коковцов обратно в Министерство финансов на должность директора Департамента окладных сборов, освободившуюся вследствие назначения занимавшего эту должность Н. Н. Кутлера товарищем министра финансов.

^{а-а} Вписано вместо: «лицу, не отмеченному печатью гениальности».

* * * * *

После того, как японцами была сведена почти на нет наша Тихоокеанская эскадра, в печати была поднята и настойчиво проводилась газетиром-моряком Кладо кампания в пользу снаряжения из наскоро отремонтированных старых балтийских судов новой эскадры для отправления на театр военных действий⁴. Эскадре этой, так как ей было не пройти кратчайшим путем через Суэц, предстояло обогнуть всю Африку при невозможности куда-либо зайти по дороге, чтобы отстояться и оправиться. И в отношении снабжения углем можно было рассчитывать на одну только Германию. Франция держалась нейтралитета. Не в пример ей *нейтральная* Англия не стеснялась снабжать японский флот не только своим углем, но и судами, снаряжением и даже инструкторами. Благоразумные люди из специалистов справедливо указывали, что при таких неравных условиях и принимая во внимание утомительность многомесячного перехода эскадры, почти безнадежным представляется вступление ее в бой с японским флотом, который, очевидно, будет подстерегать эскадру на подступах к театру военных действий. Успех был бы мало вероятен и в том случае, если бы эскадра состояла из крепких, новых судов. И такие суда после столь длительного перехода нуждались бы в ремонте. Наскоро же подправленные старые суда, несомненно, будут подходить к месту встречи с японским флотом в самом плачевном виде. Такое их состояние и утомление экипажа вследствие длительного перехода поставят эскадру в исключительно неблагоприятное положение по сравнению с противником, который будет вступать в бой со свежими силами, при полной исправности судов ввиду близости базы. Тем не менее, из нашего балтийского старья были снаряжены даже две эскадры — адмиралов Рожественского и Небогатова. Первая вышла раньше. Вторая — вслед за нею. Эта шла через Суэц. В пути они соединились. Мы провожали их в крайне подавленном настроении. Чувствовалось, что представленные цветом наших моряков экипажи идут на верную смерть. Мы уже успели убедиться в подготовленности, силах и мужестве нашего противника.

И, несмотря на то, невзирая на непопулярность войны в народе, не умалявшую, однако, героизма наших солдат в бою, война все-таки вызвала и в тылу в определенных кругах взрыв героического энтузиазма. Офицерская молодежь частей, не подлежавших отправлению на войну, воспитанники высших учебных заведений *наперебой* записывались добровольцами, шли на войну, и многие сложили свои головы на кровавой ниве.

Наблюдалось и обратное явление. Находились лица, состоявшие в запасе армии, которым предстояло быть призванными в боевые части, но которые менее всего этого хотели. Они выказали исключительный интерес к Красному Кресту и к другим образованным по случаю войны организациям того же рода, служба в которых освобождала от призыва в войска. И многие устроились в этих организациях. Некоторые остались на службе в них в России. Другие оказались вынужденными отправиться на театр военных действий. Хотя от непосредственных опасностей войны они отгородились, их все-таки чествовали и провожали, как на подвиг ратный.